

Научная статья
УДК 344.65
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>

Исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе

Веснина Наталья Алексеевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, Vesnina90@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе. Автором определен ряд выводных суждений, касающихся развития и процветания предварительного расследования в России и зарубежных странах. Кроме того, на основе обобщенной информации выделены принципы, являющиеся началом уголовного процесса и предварительного расследования в российском судопроизводстве.

Ключевые слова: российское судопроизводство, устав, судебная реформа, предварительное расследование

Для цитирования: Веснина Н. А. Исторические начала предварительного расследования в российском уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2 (66). С. 117–121. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>.

Original article

Historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process

Natalia A. Vesnina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Vesnina90@yandex.ru

Abstract. This article examines the historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process. The author defines a number of conclusions concerning the development and prosperity of the preliminary investigation in Russia and foreign countries. In addition, based on the generalized information, the principles that are the beginning of the criminal process and the preliminary investigation in the Russian legal proceedings.

Keywords: russian legal proceedings, statute, judicial reform, preliminary investigation

For citation: Vesnina N. A. Historical beginnings of the preliminary investigation in the Russian criminal process. *Legal science and practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 117–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-2-117-121>.

© Веснина Н. А., 2024

Всякое явление имеет свою историю. При этом можно увидеть свои ошибки, следовательно, появляется шанс их предотвратить или исправить.

Пожалуй, невозможно рассматривать развитие российского судопроизводства в отрыве от уголовно-правовых начал. При этом можно выделить четыре стадии.

На первой стадии выступает законная месть потерпевшего (или «обиженного»). Более того, месть являлась ни больше и ни меньше его «священной обязанностью». Такова была господствующая идея: только посредством зла уничтожается зло. Ярких примеров множество: княгиня Ольга жестоко отомстила древлянам за убийство мужа Игоря, месть князя Владимира за убийство князя Олега [1, с. 7]. Впрочем, были случаи, когда мститель позволял откупиться. Здесь нет следов никакого судопроизводства.

Справедливости ради нужно упомянуть некоторые статьи (2–5, 12) Олегова договора с греками. Русское общество уже не допускает самоуправства при разборе обид и преследования преступников (ст. 2). Здесь явно и прежде всего выступает суд как общественная власть над обидчиками, «как главное основание общественного благоустройства». Статья 3 Договора допускала выкуп или вознаграждение ближних убитого. И. Д. Беляев указывает на «замечательное развитие права в Олегово время». По «...чисто русскому закону невинная жена не отвечает за виновного мужа», как это прописано в римском праве. И особенно замена смертной казни выкупом, чего не было в римском праве [2, с. 76–77]. Быть может, только в «Олегово время» суд допускал такое наказание — «бегство убийцы». Беглец оставлял свое имущество в удовлетворение родственников убитого, а сам находился под покровительством закона.

На второй стадии общество понимает, что следует установить пределы мести и пределы откупа. И только тот обиженный получит удовлетворение, кто пожалуется. Нет жалующегося — нет и суда. Стороны — обиженный и обидчик — представляют так называемые формальные доказательства, которые суд не обязан исследовать и оценивать. Это было время искового судопроизводства, регулируемого Русской Правдой, в первоначальном виде изданной Ярославом и дополненной Судным Законом времен Владимира. Заметим важное обстоятельство: в Судном Законе закреплена норма о свидетелях как о главном судебном доказательстве. «Нельзя начинать иск по такому делу, которое не может быть подтверждено

свидетелями» [3, с. 124]. При этом «царство кровной мести» — обычай всех первоначальных обществ клонился к упадку. Так, только по решению суда допускалась месть родственников и только тогда, когда суд объявит виновного [2, с. 89].

Стоит дополнить, что через 17 лет после смерти Ярослава его сыновья поняли, что Устав Ярослава «О вирных уроках» нуждается в изменениях. Так появилась «Правда сыновей Ярослава». В первом отделе этой Правды введены полная отмена мести и замена ее денежным выкупом. Кроме того, впервые обращалось внимание суда на мотивы совершения преступления. Не требовалось свидетелей, если потерпевший окровавлен или на его лице синяки, или иные следы преступления.

Для третьей стадии развития права характерно то, что наиболее опасные преступления преследуются государственной властью без участия обвинителя. Однако суд обязан входить в сущность доказательств, поскольку они перестают быть формальным делом между сторонами. Исчезают откуп, месть и частное удовлетворение (за исключением дел об оскорблении). Заметим, что многие преступления на этой стадии остаются без уголовного преследования, поскольку нет обвинителя. Нормативной базой этой стадии судопроизводства служили уставные грамоты. Например, Двинская грамота Великого князя Василия Дмитриевича 1398 года, уставная Белозерская грамота 1488 года [4, с. 319].

На четвертой стадии развития российского уголовного процесса возникает следственное судопроизводство. Следственная форма стала вытеснять обвинительную. «Уставная Книга Разбойного Приказа есть главный источник, в котором надобно отыскивать начало следственного судопроизводства в России» [5, с. 14–15]. Справедливости ради отметим, что, кроме Разбойного приказа, существовали, меняя друг друга, Земский и Стрелецкий приказы.

Так или иначе с определенными особенностями во многих европейских государствах представленные стадии развития уголовного судопроизводства имеют сходные черты. Например, итальянцы пережили все «удовольствия» искового производства. Уголовные дела начинались по «извету или жалобам» и тогда претор (или помощник его квестор) поручали самому заявителю подготовить все необходимые доказательства, включая объяснения свидетелей. Впрочем, существовали так называемые «едилы» — особенные следователи (*judices*,

quadruplicatores), получавшие премии за выявленные преступления. П. И. Дегай утверждает, что единообразие судопроизводства «начинает возникать только при единодержавии» [6].

Во Франции во времена властелинов феодальное судопроизводство было обвинительным. Только при укрепившейся власти королей появились «постоянные исследователи». Почти триста лет во Франции в каждом случае расследования должны принимать участие два ассессора (представители судебной власти и помощники следователя).

Особенности предварительного следствия были не чужды Испании, Шотландии, Бельгии и другим государствам. В Австрии и в Баварии по горячим следам могут производить расследование мировые судьи, их помощники, жандармские офицеры и полицейские комиссары. В некоторых странах каждый округ имел своего особенного следователя. Например, в Баден-Бадене была должность следственного судьи, который в некоторых случаях возлагал предварительное следствие на местного следователя. Во Фрейбурге и в Неаполитанском королевстве функция предварительного расследования была отдана председателю окружного суда. По Неаполитанскому уложению при каждом следователе должен всегда находиться его писец или присяжный свидетель.

Обобщая все нормативные меры, уложения и постановления европейских государств, можно сделать следующие выводы:

- 1) право выявлять и первоначально расследовать преступления отдается местной административной власти;
- 2) право расследования преступлений вверяется особым должностным лицам — следователям;
- 3) следователи должны производить расследование в присутствии других лиц, назначенных правительством;
- 4) «для большего охранения всех действий должны они быть подчинены постоянному контролю» [с. 6, 47–49, 55].

В России безусловная заслуга Ивана IV состоит в установлении губных старост, на наш взгляд, прообразов следователей (выборные должности от всяких («сошных» людей). Губные старосты вызывались в Москву для принятия присяги. Это было началом публичного обвинения. Не дожидаясь жалоб и заявлений, губные старосты выявляли преступления и следственным порядком доводили дело до рассмотрения Разбойного Приказа. Они получили власть, которую не имели наместники и тиуны.

По мнению В. А. Линовского, этот «следственный порядок, введенный царем Иваном IV, долго оставался господствующим в России без всякого существенного изменения». И далее: в 1669 году следственное производство было усилено за счет введения должности сыщиков, по отношению к которым губной староста был заместителем («товарищем»). Поскольку функция досудебной проверки сведений о преступлении оставалась, то должность сыщиков, несмотря на неоднократное упразднение, снова восстанавливалась [7, с. 14–15].

Специальным Указом от 25 июля 1713 года Петр I юридически оформил деятельность так называемых «майорских» следственных канцелярий. Именно 25 июля 1713 года в России учреждается первый специализированный следственный орган — следственная канцелярия гвардии майора Михаила Ивановича Волконского. В 1714–1715 годах Петром I были учреждены еще три следственные канцелярии (их возглавляли гвардейские офицеры В. В. Долгоруков, И. Н. Плещеев и И. С. Чебышов), а в 1717 году — еще шесть. Все они, согласно Наказу от 9 декабря 1717 года, подчинялись непосредственно Петру I. В их состав, как правило, входили офицеры Семеновского и Преображенского полков, которые были наделены более широкими процессуальными полномочиями.

К подследственности этих органов были отнесены дела о наиболее опасных деяниях, посягающих на основы государственности, в первую очередь о преступлениях коррупционной направленности, совершаемых высокопоставленными должностными лицами органов государственной власти (взяточничество, казнокрадство, служебные подлоги, мошенничество).

В Наказе от 9 декабря 1717 года не был упомянут ни один орган власти, уполномоченный давать «майорской» канцелярии какие-либо указания. Даже сенат, согласно заключительному положению Наказа, мог (причем «под опасением жестокого ответу») только оказывать следственной канцелярии содействие в вопросах кадрового обеспечения. «Майорское» следствие не было ограничено какими-либо процессуальными сроками.

А. Г. Мамонтов ошибается, когда утверждает, что «функционально обособленный орган», занимающийся осуществлением предварительного расследования, появился лишь в ходе судебной реформы 1861–1864 годов [8, с. 5]. Однако век «майорских» следственных канцелярий оказался недолог. 9 декабря 1723 года (ровно через пять лет после основания шести

коллегиально устроенных следственных канцелярий) император издал указ об их упразднении.

По нашим сведениям, впервые в 1775 году (7 ноября) следователю как особому участнику уголовного судопроизводства Екатерина II предписала: «Следователь должен учинить немедленное исследование происшедшего преступления». А через семь лет регламентировала, что в случае учинения уголовного преступления следователю надлежит исследовать: «1) над кем или каким, или во вред чей или чему; 2) что; 3) чем; 4) когда; 5) где; 6) как; 7) кем учинено» [9, с. 361].

Важно заметить, что по существовавшим в первой половине XVIII века правилам производства расследования (сыска) по каждому делу выделялся (назначался) сыщик. Каждому сыщику давалась письменная инструкция по ведению сыска (перечень методических рекомендаций). В инструкции среди прочего перечислялись по пунктам те вопросы, которые необходимо было задать конкретному подозреваемому и записать его ответы.

История знает, благодаря каким «обманным вызовам из-за границы» были арестованы царевич Алексей, «принцесса Владимирская» (княжна Тараканова). В таких случаях организовывалась группа сыщиков для работы за границей и поимки беглецов. Делалось это зачастую под благовидным предлогом. Например, за неуплату «кредитного долга». Императрица Анна Иоанновна в инструкциях начальнику Тайной канцелярии А. И. Ушакову рекомендовала производить столько арестов, «сколько возможно в одно время, дабы друг про друга не сведения и уйти не могли». Одновременно с арестом должен быть проведен тщательный обыск с целью найти все бумаги и письма. Заметим, что А. И. Ушаков много раз пользовался своим излюбленным приемом: тем, кто едет на задержание и обыск, давать инструкцию в конверте. При вскрытии конверта обязательно кто-то должен был присутствовать. Это делалось «...для лучшего содержания секрету, чтоб человек о той порученной ему комиссии прежде времени ведать не мог...».

Если в ходе сыска обнаруживались «участники», «видаки» или «послухи» (свидетели), но при этом инструкция не предусматривала их допросов, то об этих людях сообщалось «наверх». В ожидании дальнейших инструкций соучастники и свидетели сидели «под караулом в цепях». «Допросные листы» скреплялись подписью сыщика, допрашиваемого и понятых,

если их присутствие предусматривалось инструкцией [10, с. 363].

На наш взгляд, это было непростое время в истории российского уголовного процесса, однако его можно считать мощным толчком к установлению более справедливой и эффективной системы уголовного правосудия, поскольку все имеющиеся недостатки и несовершенства в уголовном процессе впоследствии послужили основанием для внесения реформ и улучшения правовой системы в России.

По мнению В. П. Даневского, неудовлетворительное состояние следственной части единодушно признается теоретиками и чинами судебного ведомства; «отзывы их расходятся между собою лишь в указании причин такого состояния, а в еще большей степени — мерь и способов к исправлению замеченных недостатков» [11]. В своих заметках он сделал упор на субъективных факторах предварительного расследования: замедленность процедур, небрежность в документальной части, неполнота доказательств, слабый надзор прокуратуры и окружного суда, обвинительная тенденция следователей по громким делам. Потом пишет: «Мы далеки от мысли осуждать наших следователей, большинство которых — труженики, добросовестно несущие свою нелегкую службу». Особая озабоченность В. П. Даневского «непомерно высокой процент оправдательных вердиктов, значительно превосходящий число их в Англии и даже во Франции». «Слабость репрессии — это вина наших присяжных» [12, с. 3]. По нормативной части — ни слова.

Представляется, что время уставов уголовного судопроизводства — это время развития и становления «правил о доказывании» в стадии предварительного расследования. И уж совсем не верно, что французское предварительное расследование являлось своего рода родоначальником появления судебного следователя в России. Все историческое начало предварительного расследования в российском уголовном процессе показывает ошибочность этого мнения. Все достижения и недостатки российского предварительного расследования носят чисто русский характер.

Нельзя забывать, что именно Александр II без иностранных заимствований подготовил Судебную реформу и утвердил «Основные положения судебного преобразования», в которых учтено 446 замечаний, потупивших со всех концов России. Основные начала уголовного процесса, в том числе предварительное расследование, были заключены в следующих

принципах: 1) отделение судебной власти от исполнительной, административной и законодательной; 2) принцип гласности; 3) несменяемость судей; 4) введение присяжных поверенных; 5) введение присяжных заседателей; 6) отмена теории и практики формальных доказательств; 7) учреждение кассационного суда; 8) создание нотариата.

Составленные проекты Судебной реформы, по словам профессора Н. П. Радутной, должны признаваться как «...законодательный и вместе с тем умственный памятник, который должен служить в отдаленном потомстве величайшей честью нашего времени» (что мы можем признать в XXI веке) [13, с. 4]. На наш взгляд, данные слова не могут быть оспоримы, поскольку проекты, которые способствуют улучшению судебной системы, должны быть не просто важным наследием для будущих поколений, но и образцом должного профессионализма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Линовский В. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве. Одесса: типография Л. Нитче, 1849. 262 с.
2. Беляев И. Д. История русского законодательства. Санкт-Петербург: Издательство «Лань», 1999. С. 76–77.
3. Калачов Н. Исследования о Русской Правде. Ч. 1. Москва, 1897. 875 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. IV. Москва: Изд-во «Студия АРДИС», 2011. С. 319.
5. Линовский В. А. Указ. Сочинение. С. 14–15.
6. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Типография Министерства Государственного имущества, 1847. 323 с.
7. Линовский В. А. Указ. Сочинение. С. 14–15.
8. Мамонтов А. Г. Расследование преступлений в российском судопроизводстве первой половины XIX века Москва, 2003.
9. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Москва: Юридическая литература, 1990. 480 с.

10. Устав благочиния или полицейский // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Москва: Юридическая литература, 1990. 480 с.

11. Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. Москва, 2002.

12. Серов Д. О. Первые органы следствия России (1713–1723) // Российский следователь. 2014. № 14. С. 48–52.

13. Даневский В. П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. Москва: Тов. скоропеч. А. А. Левенсон, 1895. 89 с.

References

1. Linovsky V. The experience of historical searches on investigative criminal proceedings. Odessa: Printing house of L. Nitche, 1849. 262 p. (In Russ.)
2. Belyaev I. D. The history of Russian legislation. St. Petersburg: Lan Publ., 1999. 640 p. (In Russ.)
3. Kalachov N. Studies on Russian Truth. Part 1. Moscow, 1897. 875 p. (In Russ.)
4. Karamzin N. M. History of the Russian state. In 12 vols. Vol. IV. Moscow: "Studio ARDIS" Publ., 2011. p. 319. (In Russ.)
5. Linovsky V. A. Decree. Pp. 14–15. (In Russ.)
6. Degai P. I. A look at the current situation of criminal proceedings. St. Petersburg: Ministry of State Property Publ., 1847. 323 p. (In Russ.)
7. Linovsky V. A. Decree. Pp. 14–15. (In Russ.)
8. Mamontov A. G. Investigation of crimes in Russian judicial proceedings of the first half of the XIX century. Moscow, 2003. (In Russ.)
9. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire (November 1775, 7). Anthology on the history of state and law of the USSR. Moscow: Legal literature Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
10. Charter of deanery or police. Reader on the history of state and law of the USSR. Moscow: Legal literature Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
11. Anisimov E. V. The rack and the whip. Political investigation and Russian society in the XVIII century. Moscow, 2002. (In Russ.)
12. Serov D. O. The first investigative bodies of Russia (1713–1723). *Russian investigator*, 2014, no. 14, pp. 48–52. (In Russ.)
13. Danevsky V. P. Our preliminary investigation: its shortcomings and reform. Moscow: Comrade. skoropech. A. A. Levenson Publ., 1895. 89 p. (In Russ.)